

Идиоматичность дублетных форм

© 2019

Анатолий Николаевич Баранов^{а, г},
Дмитрий Олегович Добровольский^{а, б, в, @}

^аИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

^бИнститут языкознания РАН, Москва, Россия; ^вСтокгольмский университет, Швеция; ^гНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; [@]dobrovolskij@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются выражения *vot-vot*, *von-von*, *nu-nu*, *ku-ku*, *tak-tak*, *net-net* и некоторые другие, образованные в результате редупликации. Данные единицы обнаруживают нетривиальное сочетание свойств, связанных с иконичностью и идиоматичностью. Показано, что некоторые из них в определенных значениях являются идиомами, другие оказываются идиоматичными, не будучи идиомами, а у третьих отсутствует даже минимальная степень идиоматичности значения. Степень идиоматичности обратно пропорциональна иконичности семантики. Дублетная форма *net-net* идиоматична в том смысле, что имеет специфическую сферу действия, распространяющуюся на различные слои плана содержания предшествующего контекста и отличающуюся от сферы действия обычного отрицания. В статье рассматриваются примеры использования формы *net-net*, демонстрирующие разнообразные особенности ее семантической сферы действия.

Ключевые слова: идиоматичность, идиомы, иконичность, лексические дублетные формы, отрицание, редупликация, семантическая сфера действия

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ, грант № 17-04-00420-ОГН.
Для цитирования: Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность дублетных форм. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 51–67.

DOI: 10.31857/S0373658X0007546-9

Idiomatichity of reduplicated forms

Anatoly N. Baranov^{а, d},
Dmitrij O. Dobvol'skij^{а, б, в, с, @}

^аVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^бInstitute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^сStockholm University, Sweden; ^дNational Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; [@]dobrovolskij@gmail.com

Abstract: The present paper deals with the expressions *vot-vot*, *von-von*, *nu-nu*, *ku-ku*, *tak-tak*, *net-net* and some others based on reduplication. These lexical units exhibit a nontrivial combination of properties related to iconicity and idiomatichity. Some of these units, taken in certain meanings, are idioms, others are idiomatic without being idioms, and still others lack even a minimal degree of idiomatichity. The degree of idiomatichity is inversely proportional to the iconicity of semantics. The reduplicated form *net-net* is idiomatic in the sense that it has a specific scope extending to different levels of the meaning of the previous context, and does not correspond to the scope of ordinary negation. The paper discusses examples of the use of the unit *net-net*, demonstrating the various features of its semantic scope.

Keywords: iconicity, idiomaticity, idioms, lexical reduplication, negation, reduplicated forms, semantic scope

Acknowledgements: The research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 17-04-00420-ОГН.

For citation: Baranov A. N., Dobvol'ckij D. O. Idiomaticity of reduplicated forms. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 51–67.

DOI: 10.31857/S0373658X0007546-9

1. Постановка проблемы¹

В русском языке выделяется группа лексических единиц, которые образованы в результате морфемного повтора. В обычном случае редупликация связывается с морфологией. Так, в [Inkelas 2012] редупликация определяется как морфологический процесс, позволяющий достичь некоторых целей с помощью дублирования (или копирования) частей морфологической структуры. Однако часто редупликация понимается более широко и распространяется на все уровни языковой системы². В сфере неполнозначной лексики результатом редупликации оказываются такие выражения, как *вот-вот*, *вон-вон*, *ну-ну*, *да-да*, *не-не*, *чего-чего*, *ку-ку*, *ха-ха*, *ни-ни*, *бо-бо*, *тю-тю*, *ням-ням*, *тьфу-тьфу*, *чуть-чуть*, *еле-еле*, *едва-едва*, *только-только*, *так-так* и некоторые другие. Категориальный статус этих форм не вполне ясен и варьирует от одного грамматического описания к другому.

Наличие повтора компонента должно было бы указывать на иконичность семантики результирующих форм³, однако такое прямое наследование семантических характеристик, как будет показано далее, не всегда имеет место. Происхождение редуплицируемых форм может быть различным: повторение вербальной части пространственного жеста (*вот-вот*, *вон-вон*), повторение жеста экспрессивного характера (*тьфу-тьфу*), звукоподражание (*ха-ха*, *ням-ням*), повторение означающего вербального знака (*да-да*, *чего-чего*, *еле-еле*, *едва-едва*, *чуть-чуть*), повторение усеченной формы вербального знака (*бо-бо*). Понятно, что выделенные типы моделей внутренней формы дублетных единиц в реальных выражениях могут пересекаться — ср. выражение *тьфу-тьфу*, внутренняя форма которого соединяет параметры жеста и звукоподражания.

Разнообразие моделей внутренней формы обсуждаемой группы указывает на продуктивность такого способа образования лексических единиц. Если искать

¹ Данная статья является уточненным и расширенным вариантом доклада авторов на «Двенадцатых Шмелевских чтениях» в феврале 2018 г. в ИРЯ РАН.

² По О. С. Ахмановой [1966: 483–484] к редупликации (удвоению) относятся двукратное увеличение долготы звука, повтор буквы на письме, отражающий увеличенную долготу, а также удвоение слов, слогов, основ и пр., см. также понятие редупликации по [ЛЭС]. Особенности редупликации в русском языке, понимаемой достаточно широко, рассматриваются в [Крючкова 2000]. В результате повторов возникают и дублетные формы полнозначной лексики: *синий-синий*, *думал-думал*, *ходил-ходил*, которые уже были предметом исследования (см., например, [Аргесян 2018] и представленную там литературу). Нерегулярность семантики данных форм сравнительно невелика ('интенсивность', 'длительность состояния, процесса, действия' и т. д.). Здесь рассматриваются дублетные формы с высокой степенью идиоматичности, относящиеся преимущественно к лексическому повтору, что характерно в первую очередь для неполнозначной лексики.

³ Здесь мы ориентируемся на общепринятое понимание, согласно которому иконичностью называют «свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между его двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального (изобразительного, звукового и т. п.) или структурного подобия» [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IKONICHNOST.html]. В нашем случае имеется в виду структурное подобие.

семантическую общность между отдельными дублетными формами, то она, вероятно, будет проявляться не для всех единиц этого класса, а для единиц со сходным типом внутренней формы. Например, единицы, основанные на повторении пространственного жеста, обнаруживают общий компонент значения в неидиоматичных употреблениях: значение форм *вот-вот* и *вон-вон* основано на двойном дейксисе, а различие состоит лишь в том, что для *вот-вот* дейксис ближний, а для *вон-вон* — дальний⁴, ср. (1)–(2).

- (1) *Вот-вот* там. Посмотри. Как это красиво... В одной из трещин скалы, подпиравшей мост, поднялось олеандровое дерево [Вас. И. Немирович-Данченко. Цари биржи].
- (2) Добежали мы вон до этого обрыва. Только не с этой стороны, а с другой стороны заходили. Степка мне на крайнюю яблоньку тычет, она на самом-самом обрыве. «Вон-вон, он под ней лежал, теперь снова вниз сполз» [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей].

Нас в данной работе будут интересовать те дублетные выражения, которые могут претендовать на идиоматичность, с одной стороны, и на статус идиом — с другой. Как известно, феномен идиоматичности, понимаемый как нестандартный способ сочетания смыслов, распространяется на весь язык⁵. Тем самым в языке широко представлены идиоматичные формы (например, некомпозиционные сочетания морфем, метафоры, метонимические сдвиги нерегулярного характера и пр.).

Среди идиоматичных дублетных форм, которые являются предметом исследования в данной статье, обнаруживаются и такие, которые относятся к идиомам и должны фиксироваться во фразеологических словарях или соответствующих зонах толковых словарей. Идиомы, в отличие от других идиоматичных форм, должны быть общепотребительными и состоять из нескольких слов [Баранов, Добровольский 2008; 2013].

В множестве идиоматичных дублетных выражений, которые не являются идиомами, чаще всего оказываются такие формы, в которых повторяемый компонент не употребляется автономно, ср.: *ку-ку*, *ням-ням*, *тю-тю* (см. также ниже). Тем самым нет оснований говорить о сочетании нескольких слов. Для единиц типа *ку-ку* нельзя сказать, что они состоят более чем из одного слова, поскольку слова *ку* в лексиконе современного русского языка нет. Иными словами, хотя в контекстах типа *Ку-ку! А вот и я!*; *Денежки ку-ку*; *Ты чего, совсем ку-ку?* выражение *ку-ку* явно идиоматично (форма *ку-ку* семантически непрозрачна⁶), считать его идиомой нельзя. Отметим, что при этом могут быть и другие основания для включения выражения *ку-ку* во фразеологический словарь — ср. [АСРФ].

Следует упомянуть, что почва для квалификации обсуждаемых дублетных форм часто оказывается зыбкой, а границы — неопределенными. Так, форма *тю-тю* в литературном языке не имеет одиночного коррелята *тю*, при этом междометие *тю* используется

⁴ Здесь имеются в виду жесты, указывающие на пространство, находящееся поблизости (для *вот*) или вдали от говорящего (для *вон*). Двойной дейксис соответствует повторяемым жестам. Разумеется, речь идет именно о внутренней форме, то есть соответствующие жесты могут быть чисто виртуальными.

⁵ Еще более широкое понимание идиоматичности представлено в [Апресян 1995], где идиоматичность связывается с выполнением сложившихся в данном языке норм «синтаксической, семантической и лексической сочетаемости» [Там же: 11]. Среди названных Ю. Д. Апресяном факторов к идиоматичности в нашем понимании относится только выполнение «трудно мотивируемых норм» [Там же], в частности, следование правилам лексической сочетаемости, не выводимым из толкования (или не описываемым в терминах семантических классов), то есть не мотивируемым семантически.

⁶ Ср. понятие «компонентной непрозрачности» по [Баранов, Добровольский 2008: 44–46; 2013: 56–58]. Впрочем, идиоматичность здесь может иметь и иную природу и быть следствием переинтерпретации — см. обсуждение формы *ку-ку* ниже в разделе 2.

в южнорусских диалектах, близких к ареалу распространения украинского языка. Примеры такого рода чаще всего воспринимаются как украинизмы или как способ стилизации, ср. (3)–(4).

- (3) — Вот, посмотри, — и Мария спустила платье с левого плеча. — *Тю!* Синячок, як хто поцелував крепенько, — удивленно сказала тетя Нюся [В. Михальский. Прощеное воскресенье].
- (4) — Может, война началась? Расстреливать возят?.. — *Тю* на тебя, дурак! Кто б это стал нас — по одному возить? Когда война начнется — нас скопом перебьют [А. Солженицын. В круге первом].

Даже для дублетной формы *ням-ням*, которая не имеет одиночных диалектных, жаргонных и пр. коррелятов, можно обнаружить случаи одинарного употребления, ср. (5).

- (5) Этот яд практически безболезнен. *Ням* — и амба! [И. Охлобыстин. Танго смерти].

В дальнейшем мы ориентируемся на литературную норму.

Таким образом, в центре нашего исследования находятся некоторые дублетные формы, рассматриваемые с точки зрения параметров идиоматичности и иконичности. По понятным причинам выбор конкретных единиц для анализа носит случайный характер, однако он частично мотивирован тем, что выбираемые формы обнаруживают максимальные различия по некоторым существенным характеристикам. Так, форма *вот-вот* дейктична, идиоматична и является идиомой в интересующих нас употреблениях. Слова *только-только* и *так-так* полностью иконичны, им не свойственна идиоматичность в нашем понимании. Форма *ну-ну* представляет широкий спектр возможностей: она имеет как идиоматичные, так и неидиоматичные употребления, при этом в некоторых значениях является идиомой. Слову *ку-ку* присуща разветвленная многозначность, причем некоторые значения омонимичны. Особый интерес представляет форма *нет-нет*, которая разбирается в отдельном разделе статьи.

Указанные единицы различаются также по соотношению параметров иконичности и идиоматичности.

2. Идиоматичность и иконичность в семантике дублетных форм

Очевидный случай идиоматичности и принадлежности единицы к классу идиом — это дублетная форма *вот-вот*. Частица *вот* в основном употреблении основана на пространственном дейксисе: *Вот ключи!*; *Вот наш дом* — и часто предполагает соответствующий жест. Дублетная форма *вот-вот* встречается в значении указания на объект, вводимый в общее поле зрения участников ситуации общения, крайне редко, ср. пример (1): ...*Вот-вот там. Посмотри. Как это красиво*... В подавляющем большинстве употреблений *вот-вот* реализуется в переносных значениях, не предполагающих жеста, в частности, во временных — для указания на момент времени в ближайшем будущем (6) или в недавнем прошлом (7).

- (6) а. Дашка ни жива ни мертва рядом стоит, руки дрожат, *вот-вот* завоет [В. Белов. Привычное дело].
- б. Никогда в жизни Ипполит не совершил бы такой подлости — интервьюировать человека, которому предстоит *вот-вот* встретиться с вечностью [Б. Акунин. Сказки для идиотов].
- в. *Вот-вот* предложат покаяться и сдать валюту [Речевое общение].

(7) а. — Где ученый секретарь? — Да *вот-вот* только тут был! [Речевое общение]

б. *Вот-вот* сейчас только присела. [Речевое общение]

Есть и другие значения с переосмыслением, в которых *вот-вот* определенно относится к идиомам: выражение согласия (8), подтверждение обоснованности собственного мнения (9).

(8) — Наш Вадик — жалкое ничтожество, которому еще нужна мама. — *Вот-вот*, — подхватил я [Б. Васильев. Глухомань].

(9) — У тебя вообще была когда-нибудь жена? — Нет. А что? — *Вот-вот* [Корпус русской прозы].

В приведенных контекстах замена дублетной формы *вот-вот* на одиночное *вот* либо невозможна, либо не вполне удовлетворительна и связана с выражением другого значения.

Итак, иконичность семантики в рассматриваемом случае не противоречит идиоматичности. Действительно, удвоение *вот* интенсифицирует пространственный жест как его повторение, что проявляется на уровне актуального значения в том, что происходит интенсифицированное указание во времени (ближайшее будущее *resp.* недавнее прошлое) или усиленное согласие — с собеседником (8) или с самим собой (9).

Похожее поведение обнаруживает дублетная форма *только-только*, у которой представлены в основном временные употребления — отнесенность к недавнему прошлому: *Способный специалист Кравченко, только-только окончив наш вуз, выезжал в Берлин* [Корпус русской прозы]⁷. Поскольку частица *только* может использоваться во временном значении, то отнесение формы *только-только* к идиомам проблематично, в отличие от *вот-вот*. Ср. одновременное употребление частицы *только* и дублетной формы *только-только* в одном предложении с временной семантикой: *Сначала в детдоме, потом в общежитии. Тоже это не свой угол. Только дали комнату, только-только* [Л. Петрушевская. Уроки музыки]. В приведенном примере форма *только-только* представляет собой интенсифицированное указание на близость события в недавнем прошлом ‘совсем недавно’, то есть семантика этой единицы оказывается композиционной и полностью отвечает принципу иконичности. Именно поэтому *только-только* редко употребляется в функции временного союза. Ср. не вполне корректную фразу ⁷*Только-только он вошел, все встали* при норме *Только он вошел, все встали*.

Дублетная форма *ну-ну* обладает несколько иными свойствами. Существенное отличие *ну-ну* от *вот-вот* заключается в том, что не все значения формы *ну-ну* могут быть однозначно отнесены к идиомам. Так, использование *ну-ну* для выражения скепсиса, безусловно, идиома. Это в частности проявляется в том, что замена дублетной формы *ну-ну* на одиночное *ну* в этом значении невозможна:

(10) а. — Думаешь малиной питаться? *Ну-ну*, — упрекнул его старшина и спрятал сушарь в карман [В. Быков. Болото].

⁷ На 100 произвольно взятых употреблений *только-только* из основного корпуса [НКРЯ] (дата обращения декабрь 2018 г.) 86 контекстов относятся к недавнему прошлому, 9 — к расширенному настоящему (*Когда вы только-только выходите на рынок, необходимы инвестиционные вложения для «раскрутки» фирмы* [«Рекламный мир»]), а 5 имеют ограничительную семантику (*По забаритам только-только вошел: ни пошевелиться, ни лечь даже* [«Новгородские ведомости»]). Единичный контекст с семантикой будущего времени, обнаруженный в процессе рецензирования данной статьи, представляется не вполне нормативным: *Мечтай не мечтай, а раньше чем через неделю там делать нечего. Маринка в себя только-только придет* [«Наш современник»]. В любом случае такие употребления носят периферийный характер: в НКРЯ их обнаружить не удалось, однако встретился довольно интересный пример с семантикой будущего в прошедшем: *Кто ж мог предположить, что он только-только запольхает и Оглоедов сунется в квартиру* [Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками].

- б. — Луна и Солнце — это одно и то же, на мой взгляд, просто ночью из-за холода это светило светит иначе. — *Ну-ну*, — сказал он [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора].

Ср. невозможность замены *ну-ну* на *ну* в соответствующих контекстах: — *Думаешь малиной питаться? *Ну*, — упрекнул его старшина и спрятал сухарь в карман или ...*просто ночью из-за холода это светило светит иначе*. — **Ну*, — сказал он.

В других значениях *ну-ну* замена на одиночное *ну* допустима, хотя и не всегда идеальна. Так, в ситуациях успокаивания и подбадривания такая замена вполне возможна.

- (11) Тот дернулся, но руки Рубахина были мощны и сильны. — *Ну-ну*. Не брыкайся [В. Маканин. Кавказский пленный].

Очевидно, что в реплике из примера (11) одиночное *ну* вполне допустимо и передает близкую семантику: *Ну, не брыкайся*. Отличие обнаруживается в том, что при употреблении одиночного *ну* теряется идея подбадривания, что приводит к некоторой грубости высказывания в целом, хотя идея успокаивания остается.

Ну-ну может употребляться также для стимулирования собеседника продолжать речь (коммуникативный ход), и в этом случае одиночное *ну* выражает тот же смысл.

- (12) Дед сидел, смотрел на меня. — *Ну-ну*, — сказал он через минуту. — Что же ты замолчал, рассказывай дальше: разговор был?.. *Ну...* [Ю. Домбровский. Хранитель древностей].

В приведенном примере и первая дублетная форма *ну-ну* и следующая за ней одиночная форма *ну* имеют аналогичную функцию. Различие можно усмотреть в том, что *ну* более категорично, чем *ну-ну*, что в некотором смысле противоречит принципу иконичности. Эффект категоричности возникает из-за того, что *ну-ну* среди прочих значений используется в качестве маркера подбадривания (ср. пример (11)), что приводит к контаминации идей стимулирования и подбадривания. При одиночном *ну* контаминации не происходит, поскольку у одиночного *ну* отсутствует семантика подбадривания. Важно, что при одиночном *ну* в этом значении возможно появление энклитики *-ка*, усиливающей побудительный компонент семантики; ср.: *Что замолчал? Ну-ка, давай дальше*. Ср. [Широкова 1982].

Еще одно значение формы *ну-ну* — выражение неудовольствия по отношению к адресату в связи с его действиями.

- (13) а. — А вы зачем сюда приехали, козлики? — спросил я его. — Тоже небось для своих козлиных приключений, а? По своим козлиным делишкам, верно ведь? — *Ну-ну, ты!* — сказал один из них и вскинул руку, с запястья которой вниз, к локтю, сразу же упал браслет [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора].
- б. — С удовольствием! — обрадовался Юрка и ущипнул меня так крепко, что я привскочил. — *Ну-ну*, ты не очень, пожалуйста... [В. Губарев. Трое на острове]

Действительно, приведенные в примере (13) реплики с *ну-ну* иллокутивно вынуждают собеседником. В (13а) реплика *Ну-ну, ты!* вызвана оскорблением со стороны адресата, а в (13б) реплика *Ну-ну, ты не очень, пожалуйста...* — физическим воздействием (ущипнул меня так крепко, что я привскочил).

Удивительным образом семантика *ну-ну* и в этом случае не соответствует принципу иконичности: удвоение *ну* не приводит к очевидному «усилению» значения. Так, реплика *Ну, ты не очень, пожалуйста* вряд ли более слабый способ передачи смысла, чем *Ну-ну, ты не очень, пожалуйста*, поскольку в этих случаях интонация может брать на себя функцию «усиления» или «ослабления» тех или иных компонентов смысла. Более того, фраза — *Ну ты, убери руки* ощущается как более грубая и агрессивная, чем — *Ну-ну, ты, убери руки*, из-за интонационного выделения местоимения *ты*, указывающего на адресата. При

реализации формы *ну-ну* необходима пауза и обращение *ты* оказывается вне семантической сферы действия *ну-ну*.

Следует отметить, что интонационные контуры для каждого типа контекстов употребления *ну* и *ну-ну* уникальны. Так, интонация *ну-ну* «скепсиса» радикально отличается от успокоительно-подбадривающего *ну-ну*. Тесное взаимодействие с интонационной составляющей является характерной особенностью дублетных идиом рассматриваемого типа, позволяющей участникам ситуации общения разрешать возникающую многозначность. Многообразию интонационного оформления способствует рудиментарность носителя — одноморфемность или повтор одной и той же простой морфемы⁸.

Интересно, что форма *ну-ну* не используется в качестве ответа на вопрос, хотя у одиночного *ну* такая функция представлена [Баранов, Кобозева 1988]. Кроме того, *ну* используется в контексте уговаривания (*Ну, скажите, не вредничайте*), а также служит для преодоления смущения (*Ну вот, Ну что вы...*) [Добровольский, Левонтина 2017]. Форма *ну-ну* в таких употреблениях невозможна.

Квалификация формы как идиоматичной или неидиоматичной в некоторых случаях зависит от выбора точки отсчета. Интересна в этом отношении форма *ку-ку*, имеющая в современном языке множество значений. Так, она используется в контексте имитации звуков, издаваемых кукушкой (14), для привлечения внимания адресата (15), как сигнал в игре в прятки (16), как указание на отсутствие кого-л. или чего-л. (17), для сообщения о полном прекращении функционирования чего-л. (18), а также указывает на неадекватность поведения человека (19).

- (14) А птички-пташки-соловухи так и заливаются: фирли-тю-тю-фирли, чик-чирик, ку-ку, кукареку, кудах-тах-тах [Вен. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора].
- (15) — Ку-ку! — из-за толстой сосны вышел парень в долгополой шубе, большой мохнатой шапке, с двустволкой за плечом [В. Сорокин. Сердца четырех].
- (16) Король. И девушки здесь! Фрейлины. Ку-ку! (Прячется за ширмой.) [Е. Шварц. Гольф король].
- (17) — А денешки? — Нет денешек, ку-ку. Концов не найдешь [Речевое общение].
- (18) Половое воздержание ведет — с другой стороны — также к преждевременному угасанию половой сферы и смерти раньше возможного предела. Ку-ку [М. Веллер. Секс].
- (19) — Если моя мама не даст тебе деньги, ты застрелишь меня из этого пистолета? — спросила Даша. — Ты чего, ку-ку? [Корпус русской прозы]

Если считать, что приведенные значения образованы в результате переосмысления первого значения — имитации звуков кукушки, — то все они, кроме употреблений типа (14), в той или иной степени идиоматичны. В любом случае рассматриваемая дублетная форма не является идиомой, поскольку форма *ку* отсутствует в лексиконе современного русского языка, если не считать контекстов, отсылающих к известному фильму Г. Данелия «Кин-дза-дза»: *Дискурс всегда устроен таким образом, что при предъявлении определенных контрольных слов они обязаны выстроиться по росту и сделать «ку»* [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло].

Почти все исследованные формы имеют семантические валентности, связанные с семантикой контекста. Исключение составляет форма *ку-ку* в значении имитации звуков, издаваемых кукушкой, в функции привлечения внимания адресата и как сигнал в игре в прятки. В других случаях форма *ку-ку* реализует связь с контекстом через семантические

⁸ В китайском языке и некоторых других языках Юго-Восточной Азии сложность системы тонов связана с простой морфологической структурой слова.

валентности. В значении ‘указания на неадекватность поведения кого-л.’ семантическая валентность обязательно выражается синтаксически на поверхностном уровне: *X — ку-ку* (*Он чего, ку-ку?*). Очевидно, что некоторые из значений *ку-ку* связаны между собой, например ‘привлечение внимания адресата’ и ‘сигнал в игре в прятки’. При этом другие употребления *ку-ку* омонимичны; ср. ‘полное прекращение функционирования чего-л.’ и ‘неадекватность поведения человека’.

С точки зрения сочетания факторов идиоматичности и иконичности может быть рассмотрена также форма *так-так*:

(20) а. — *Так-так*, — сказал Хрипушин, поднялся из-за стола и прошёлся по кабинету, — *так-так!* Занятно! Значит, близкие люди ведут меж собой антисоветские разговоры [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей].

б. — Никогда. Ни разу не столкнулся даже с тенью подобных настроений, — сказал Крымов. — *Так-так*, понятно, я так и думал, — сказал Дрелинг [В. Гроссман. Жизнь и судьба].

в. Птицелов был молчалив, исподлобья посматривал по сторонам, многозначительно тряс головой, как бы поддакивая и желая сказать: «*Так-так... Да, да... очень хорошо... Прекрасно... Посмотрим, посмотрим*» [В. П. Катаев. Алмазный мой венец].

Семантика данного выражения в приведенных употреблениях передает идею осознания чего-то важного и введения этого в модель мира говорящего, то есть согласования его с уже имеющимися знаниями. Иными словами, это выражение направлено в предшествующий контекст: *так-так* (*Q, P*) ≈ ‘поняв что-то важное *P* на основе *Q*, сделать *P* частью своих представлений’⁹. Следует отметить, что это ‘что-то’ иногда эксплицируется в контексте — как в примере (20а) ... *Значит, близкие люди ведут меж собой антисоветские разговоры*, — но часто содержание осознаваемого в явном виде отсутствует, ср. (20в). Иными словами, следующее после *так-так* выражение не всегда эксплицирует *P*, а может комментировать сам факт осознания (*Занятно!*; *Понятно!*) или сопровождаться маркером хезитации (*Да-да...*).

Отметим, что одиночное употребление *так* в приведенных примерах вполне допустимо, причем эффект иконичности здесь присутствует, а идиоматичности нет. В паре — *Так-так, понятно, я так и думал* vs. — *Так, понятно, я так и думал* форма с *так-так* указывает на большую уверенность говорящего и определенность вывода. Одиночное *так* в контекстах этого типа по длительности приближается к длительности *так-так*, но оно передает меньшую степень уверенности говорящего в том, что осознается. Возможность замены формы *так-так* на одиночное *так* говорит в пользу того, что *так-так* неидиоматично. В силу сказанного форма *так-так* должна лексикографически описываться в составе словарной статьи слова *так* — как вариант реализации одного из значений.

Следует отличать проанализированную форму от последовательно идущих друг за другом *так*, ср. (21).

(21) — Да бросьте вы в самом деле, мне же через полчаса... Ай-яй-яй, я ведь уже и время спросил, а только сейчас понял, почему я время спросил, — с меня часы сняли. И именно от этого почувствовал такую обиду, такое унижение — меня же всего, значит, обшупывали, перекагивали, только денег не нашли, придурки. *Так, так*, надо проснуться. Всё, что вокруг, — это ерунда, мираж. Ноги голые — вот реальность [С. Юрский. Бумажник Хофманна].

В приведенном примере последовательность *так, так* не передает смысл, характерный для *так-так* и произносится совершенно по-другому: с паузой внутри и двумя

⁹ Более подробная характеристика валентностей *P* и *Q*, типичных для дискурсивных слов, дается ниже при рассмотрении семантики дублетной формы *нет-нет*.

равноправными ударениями. Тем более, иной статус имеет последовательность *так, так* при реализации каждым из *так* особой семантики: — *Как что не так, так у нас сразу говорили: «Кто виноват?»* [Коммерсантъ-Власть].

Разобранные примеры показывают, что степень иконичности дублетных форм различается. Чем сильнее иконичность, тем слабее идиоматичность, и наоборот. Соответственно, варьирует и статус рассматриваемых форм как идиом. Некоторые из них идиоматичны и являются идиомами (при соблюдении всех релевантных факторов, см. [Баранов, Добровольский 2013]), другие идиоматичны, но не являются идиомами, и наконец, третьи — и неидиоматичны, и не идиомы. Отметим, однако, что в целом взаимозависимость иконичности и идиоматичности не такая прямая. Например, в более сложных случаях грамматической фразеологии при высокой степени иконичности результирующее выражение может быть идиоматичным. Так, сложный союз *нет-нет да* и безусловно идиоматичен, хотя первые три элемента носят иконический характер, указывая сначала на отсутствие какого-то признака (*нет-нет*), а потом на его присутствие (*да*). Интересно, что и здесь иконичность не является полной: двойное *нет* не говорит о том, что признак отсутствовал два раза.

Выражение *нет-нет* автономно употребляется в совершенно других значениях, которые и рассматриваются ниже.

3. Дублетная форма *нет-нет* и слабая семантика

Исследование контекстов употребления выражения *нет-нет* определенно показывает, что оно не иконично, то есть не является усиленным вариантом одиночного отрицания *нет*. Так, на реплику *Денег дашь?* естественно ответить одиночным *нет*. При этом дублетная форма невозможна: — *Денег дашь?* — ^{??}*Нет-нет*. Объясняется это особенностями сферы действия *нет-нет*. В отличие от одиночного *нет*, форма *нет-нет* всегда отсылает к имплицитным слоям плана содержания предшествующей реплики. Последовательность реплик — *Денег дашь?* — ^{??}*Нет-нет*, представленная в изолированной форме, не дает возможности восстановить релевантные прагматические характеристики — установки, предположения, пресуппозиции участников ситуации общения.

Что касается усиленного отрицания, то для выражения этого смысла в русском языке есть специальные формы; ср. *Вообще нет*; *Еще чего!*, а также иконически мотивированное выражение *Нет, нет и [еще раз] нет* (22).

(22) а. А лысый гинеколог ходил каждую неделю в министерство и надоедал министру своим дежурным вопросом: подала ли она проект наверх? *Нет, нет и нет!* В настоящее время она никак не могла выйти наверх [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого].

б. Ты решила, что тебе всё можно? Что, раз я тебя люблю, ты меня можешь унижать? *Нет, нет и ещё раз нет!* [Д. Бочаров. Шурочка на земном шаре]

Тройное отрицание в приведенном примере относится именно к пропозиции предшествующей реплики, что и обеспечивает усиление отрицания. Форма *нет-нет* может использоваться для усиления отрицания, однако это происходит идиоматично — например, за счет того, что уместность просьбы подвергается сомнению (23).

(23) Теперь мне часто приходится в голову, что искусство в гораздо большей степени скрывает художника, чем раскрывает его... Поэтому, получив предложение из Парижа, я решил, что отвезу туда ваш портрет и он будет гвоздем моей выставки... Ну, а теперь вы дадите мне взглянуть на него? Д о р и а н. *Нет-нет*, никогда! И не просите! [С. Бартохова. Искусшение Дориана Грея]

Продолжение ответной реплики наречием *никогда* указывает на то, что ответ не просто отрицательный, но отказ распространяется и на будущее. В этом и проявляется идиоматичность выбранного способа усиления отрицания.

Отдельную сложность для исследования представляет графическое отображение дублетной формы на письме. Очевидно, что объектом нашего исследования является написание *нет-нет* через дефис. Однако во многих случаях эта форма передается авторами через запятую, то есть как *нет, нет*, что приводит к смешению дублетной формы с повтором двух *нет*. Фонетически различия очевидны: дублетная форма имеет ударение на втором слоге, а повтор двух частиц *нет* предполагает два самостоятельных ударения. Так, в примере (24) форма *нет, нет* может пониматься и как дублетная (*нет-нет*), и как повторение двух самостоятельных частиц *нет*.

(24) Так проходит неделя, другая, и вдруг наступает отрезвление. Ты понимаешь, что какая-то невероятная сухость, черствость и даже старчество проглядывает в её невозмутимой ясности. И самое главное — она ведь проговаривается! *Нет, нет*, она не особенно умна. Её гармонию держит инстинкт, привычка, бессознательное чувство равновесия, а никак не разум [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей].

При понимании *нет, нет* как двух самостоятельных *нет* передается иконический по сути смысл квантов мысли, то есть отражается актуальный процесс размышления. А дублетная форма указывает на внутренний диалог, на спор с самой собой. При разграничении омонимии такого типа мы ориентируемся на семантику. Тем самым, анализируемые ниже примеры с написанием *нет, нет* с точки зрения смысла являются дублетными формами.

Ограничения, связанные со сферой действия *нет-нет*, не всегда имеют характер полного запрета. Это проявляется, например, в тех случаях, когда дублетная форма в ответе на эксплицитную часть семантики вопроса (пропозициональный компонент) требует уточнения в виде продолжения, а одиночная форма — нет, ср. (25).

(25) а. — На банкет остаешься? — *Нет*.

б. — На банкет остаешься? — *Нет-нет*, не получается.

Вариант (25б) с дублетной формой без продолжения был бы некорректным: — *На банкет остаешься?* — *??Нет-нет*. Причина в том, что при использовании *нет-нет* имеется в виду не просто пропозициональная составляющая вопроса (выбор между альтернативами ‘остаешься — не остаешься’), а что-то еще, относящееся к менее очевидным слоям семантики вопроса, что и требует пояснения. Иными словами, в отличие от *нет*, дублетная форма *нет-нет* предполагает наличие двух семантических валентностей *Q* и *P*: *Нет-нет (Q, P)*. Под валентностями *Q* и *P* имеются в виду семантические валентности, реализующиеся в поверхностной форме (в соответствующих синтаксических валентностях) при определенных условиях, обсуждаемых ниже. Валентность *Q* взаимодействует с планом содержания предшествующей реплики (чаще всего с пропозицией), не будучи самой предшествующей репликой, а валентность *P* относится к установкам, обязательным семантическим следствиям и другим аспектам имплицитной семантики¹⁰.

Специфическая структура валентностей дублетной формы *нет-нет* и определяет необходимость появления валентности *P* в поверхностной структуре в случаях типа (25б). Действительно, отвечая репликой *Нет-нет, не получается* на поставленный вопрос, говорящий в явном виде указывает на сферу действия дублетной формы в плане содержания вопроса. С одной стороны, это выбор отрицательной альтернативы ‘не приду’, а с другой — указание на причину отказа, которая заключается, например, не в том, что человек не хочет, а в том, что у него нет возможности сделать это. Отметим, что общий вопрос без

¹⁰ О соотношении семантических и синтаксических валентностей см. подробнее [Богуславский 1996].

отрицания *На банкет остаешься?* содержит установку спрашивающего на положительный ответ (см. подробнее [Баранов, Кобозева 1983]). Необходимость экспликации валентности *P* обусловлена тем, что семантика вопросов указанного типа не исчерпывается возможными альтернативами ответа, с которыми взаимодействует валентность *Q*.

Если сфера действия валентности *P* на предшествующей реплике очевидна, то ее поверхностная реализация необязательна, ср. пару реплик: — *Я не опоздал?* — *Нет-нет*. Здесь отнесение *P* к имплицитным слоям семантики вопроса — к правдоподобным предположениям — очевидно. Вопросы типа *не-(ли)-*, являясь очень вежливой формой, содержат установку говорящего на невмешательство в личную сферу собеседника, что передается в самой форме с отрицанием ‘не опоздал’, указывающей на готовность спрашивающего принять отрицание — то есть ‘опоздал’ [Баранов 1986]. Дублетная форма «притягивается» к коммуникативно выделенной идее вежливости, что снимает необходимость проявления оснований использования дублетной формы (ср. также ниже обсуждение примера (38)).

Резюмируя, подчеркнем, что обязательная поверхностная реализация валентности *P* распространяется только на те случаи, когда сфера действия *нет-нет* на сферу слабой семантики предшествующей фразы неясна.

Усложненность сферы действия *нет-нет* из-за валентности *P* лежит в основе эффекта меньшей конфликтности и, следовательно, большей вежливости использования этого выражения. Так, если в примере (26) заменить дублетную форму на одиночное *нет*, то результирующая реплика будет намного более конфликтной и грубой:

(26) Инга. Извините, ошиблась. Четыре, значит, свиньи с поросятами, тридцать куриц... Тетерин. *Нет-нет*, пятнадцать [С. Белов. Третья молодость].

Ср.: ...Тетерин. *Нет, пятнадцать*.

Простое отрицание пропозиции выглядит более конфликтно, поскольку не принимает во внимание намерения, интенции, предположения и т. п. собеседника. Учет слабой семантики, связанной с состоянием адресата — даже в форме отрицания — менее конфликтен и более вежлив.

Классифицируя дальнейшие типы контекстов с частицей *нет-нет*, мы начнем с употреблений этой формы в **метатекстовой функции**. В этом случае сфера действия *нет-нет* распространяется не только на пропозицию, но и на те аспекты предшествующей реплики, которые связаны с регулированием процесса коммуникации.

Первый тип контекстов такого рода — это **корректировка понимания**, включающая широкий класс случаев. Так, в примере (27) выражение *нет-нет* используется для исправления интерпретации собеседником психического, ментального или физического состояния говорящего:

(27) — Не уходи, посиди еще, — попросил он. — Почему вы такой бледный? Вам нехорошо? — *Нет-нет*, я просто волнуюсь [С. Спивакова. Не всё].

В приведенном примере вопрос *Вам нехорошо?* задает две альтернативы ответа: хорошо или плохо чувствует себя адресат. В ответной реплике с помощью частицы *нет-нет* вводится пропозиция, которая не имеет отношения к альтернативам вопроса, то есть ответная реплика с дублетной формой не отрицает и не подтверждает ни одну из них, а указывает на совершенно другую причину: *Я волнуюсь*.

Часто корректировка понимания выражена в явном виде во фразе *вы не поняли*. Ср. (28).

(28) Мне одиннадцать. И у меня никого нет. *Нет-нет*, вы не поняли: конечно, у меня есть семья, и я ее очень люблю. Но семья — это семья. А с кем мне говорить о своих бедах и радостях? [snob.ru]

Хотя пример (28) монологичен, диалог с читателем, тем не менее, присутствует, поскольку фраза *И у меня никого нет* порождает правдоподобное предположение

об отсутствии семьи у автора. Реплика с *нет-нет* корректирует невысказанную реплику читателя.

В ряде случаев *нет-нет* вводит фразу, **уточняющую коммуникативное намерение**: собственное (29) или собеседника (30). Комментировать могут и другие обстоятельства протекания коммуникации (31).

- (29) Лёттик. А вы не боитесь Большой Птицы? Жук. Чего её бояться-то, птицы? Это всё сказки для слабаков. Вот жжжжизнь — реально жестокая штука. Тут есть чего бояться. Даже мне, такому жжжжиточному жуку. Лёттик. А чего вы боитесь? Жук. Слушай, а ты часом не из этих, не из жжжжурналистов? Лёттик. *Нет-нет*, я просто спрашиваю. Это важно. Для меня [А. Донатова. Паучок Лёттик и Большая Птица].
- (30) Стелла. Клара Евгеньевна, вы королева! Клара. Грубая лесть. Тебе тонкости, Стелла, не хватает. Стелла. *Нет-нет*, Клара, это не лесть. Это истина [С. Бельтюков. Свинцовый блеск].
- (31) Знаю, что вы не торшер. Впрочем, откуда я это знаю. *Нет-нет*, я сам с собой... Может, вы действительно, торшер. А я, например... Кто же я, если вы торшер? [И. Члаки. Как тебя зовут]

В примере (31) говорящий уточняет условия, в которых он произносит реплику, рассматривая ее не как общение с собеседником, а как внутренний диалог с самим собой.

Широкий класс метатекстовых употреблений *нет-нет* связан с **регулированием диалога**. Прерывание реплики собеседника — типичный коммуникативных ход в структуре диалога. Как показывает анализ, форма *нет-нет* часто оказывается реакцией на попытку прерывания и отменяет ее, ср. (32).

- (32) Ольга Дмитриевна. Вы знаете, дети мои, сейчас, когда чужих никого рядом нет, я готова признать, что Наташа, как это не прискорбно, во многом права. Надежда (укоризненно). Мама! Ольга Дмитриевна. *Нет, нет!* Убийца знал, что Аркадий дома один. Знал [Н. Андреев. Убийца знал].
- (33) Не-ет, не нравится, не настаивайте, Лев Сергеич. И моя профессия вам не по душе. *Нет-нет*, подождите, не надо мне возражать. Я сам за себя постою [В. Арро. Смотрите, кто пришел!].

Реплика *Мама!* в (32) выражает укор и является попыткой прерывания актуальной темы обсуждения. Использование формы *нет, нет (нет-нет)* говорит о том, что прерывание нежелательно и предшествующая тема будет продолжена. В данном случае валентность *P* проясняется фразой *Убийца знал, что Аркадий дома один*. Без этого продолжения реплика *Нет, нет!* была бы семантически и прагматически некорректна. В примере (33) фраза ***Нет-нет, подождите, не надо мне возражать*** так же, как и в (32), препятствует прерыванию коммуникативного хода.

Еще один случай регулирования диалога — это **актуализация отложенной темы** (34).

- (34) Она. Вовсе он не говнюк. Он. Качум, качум! Она. Я не понимаю. Он. Не порть музыку. (Танцует.) Она. *Нет, нет*. Лева ничего мужик [Н. Брод. Ну всё, всё... Всё?].

Реплика *нет, нет (нет-нет)* возвращает диалог к одной из предшествующих тем. Интересно, что если в примерах (32) и (33) форма *нет, нет (нет-нет)* направлена на противодействие прерыванию коммуникативного хода, в данном случае возврат к одной из предшествующих тем, напротив, прерывает коммуникативный ход. Как и в примере (32), синтаксически автономное предложение *Лева ничего мужик* реализует на поверхностном уровне семантическую валентность *P* дублетной формы *нет, нет*. Отметим, что функция возврата к предшествующей теме характерна и для одиночного *нет* [Dobrovolskij, Levontina 2012].

К метатекстовой функции следует отнести также и **уточнение** возможной **ошибочной номинации**:

(35) а. Должен сказать, сеньор, что ваш «Ум-Жажанош» освещает всю реальность как-ким-то иным, пламенным, *нет-нет*, отнюдь не мертвенным, светом [В. Аксенов. Аврора Горелика].

б. В конце концов решила посетить в них музей, но вовремя одумалась. Что ни говори, музей требует чего-то строгого, а они у меня несколько... *Нет-нет*, не какие-нибудь там слишком разнузданные, но все-таки... Словом, так обидно, так обидно везти их обратно ненадеванными... [А. Арбузов. Старомодная комедия].

В приведенных примерах уточнение номинации обязательно сопровождается последующим отрицанием этой ошибочной номинации (*отнюдь не мертвенным и не какие-нибудь там слишком разнузданные*). Наличие этого отрицания и оправдывает использование формы *нет-нет*. В данном типе контекстов допустимо использование и одиночного *нет*, однако в этом случае частица *нет* специальным образом акцентируется, приобретая ббльшую длительность и расширенный интонационный контур с повышением тона на конце.

В обычном (то есть не метатекстовом) употреблении форма *нет-нет* продолжает тяготеть к непропозициональной семантике. Так, она широко используется в контексте **отказа от предложения** (36).

(36) Виктор. Да? (Мари). И тем не менее мне бы хотелось сделать вам этот маленький подарок. Мари. *Нет, нет*, спасибо. Виктор. Но почему же? Мари. Потому... [В. Азерников. Мишель].

В данном примере одиночное *нет* также вполне допустимо: *Нет, спасибо*. Возможность замены дублетной формы на одинарную допустима из-за того, что говорящий не останавливается на «простом» отрицании интенции собеседника, а указывает на соблюдение им принципа вежливости (*спасибо*). Если такого продолжения нет, то одиночное *нет* ощущается как довольно грубая ответная реакция: — *И тем не менее мне бы хотелось сделать вам этот маленький подарок. — Нет*. Отметим, что дублетная форма без продолжения в приведенном примере вполне возможна именно потому, что она оказывается вежливым вариантом, хотя и неопределенным в отношении того, какие непропозициональные смыслы имеются в виду.

Аналогичный эффект возникает и в примере (37):

(37) Гаврилова. Раечка! Да посидите еще! Ра я. *Нет-нет*, мне уже пора [С. Белов. Счастливый номер].

Существенное отличие данной последовательности реплик от примера (36) в том, что в реплике с дублетной формой в явном виде формулируется причина отказа (*Нет-нет, мне уже пора*). Без указания на причину одиночное *нет* было бы столь же грубым, как при аналогичной замене в примере (36), а дублетная форма — вежливой, но неопределенной по семантике.

В контекстах **уверения в соблюдении принципа вежливости** со стороны адресата форма *нет-нет* выглядит более приемлемой как в варианте продолжения (с поверхностным выражением валентности *P*), так и без него, ср. (38):

(38) Румянцева. Я не помешала? Морозов. *Нет, нет*, пожалуйста. Садитесь [С. Алешин. Всё остается людям].

Так, на вопрос в примере (38) вполне можно ответить *Нет, нет (Нет-нет)* без продолжения. Одиночная форма *нет* без маркера разрешения *пожалуйста*, как и в предшествующем случае, выглядит грубой: — *Я не помешала? — Нет. Садитесь*.

Дублетная форма *нет-нет* часто используется и в контекстах **настаивания**, когда при отказе собеседника от предложения говорящий повторяет свое речевое действие в «усиленном» варианте (39).

(39) Пригоршнев. Дайте-ка я вас хоть угощу. (Снимает рюкзак.) Ма ша. Спасибо, не надо! Пригоршнев. *Нет, нет*, мне этого хочется [В. Арро. Смотрите, кто пришел!].

Распределение форм *нет* и *нет-нет* и в этом случае повторяет предшествующие случаи. Одинокое *нет* создает ощущение невежливости, а дублетная форма — как с продолжением, так и без него — вполне приемлема.

Характерная ситуация использования дублетной формы *нет-нет* — это **несогласие с невербальным действием** собеседника (40).

(40) — Алла, принеси стакан воды! (Алла подает Петру стакан воды со стола) *Нет, нет*, из-под крана, похолоднее [Н. Андреев. Семейный детектив].

Невербальное действие может сопровождаться вербальным комментарием, предвещающим его выполнение. В этом случае реплика с дублетной формой является реакцией на вербальный комментарий, то есть на намерение совершить соответствующее действие (41).

(41) Ли за. Хочешь, я первая разденусь? Хочешь? Александр. Я стесняюсь! Ли за. А я все равно разденусь. Александр. *Нет, нет...* я не хочу, тебе будет холодно... [И. Члаки. Хороший мой].

В отличие от предшествующих случаев, очевидной грубости при использовании одиночной формы в данном случае не ощущается, ср. — *Нет, из-под крана, похолоднее; — Нет... я не хочу, тебе будет холодно...* При использовании одиночного *нет* теряется семантический эффект, связанный с попыткой посмотреть на ситуацию глазами собеседника, поскольку внимание к установкам собеседника, его интенциям, представлениям о действительности и пр., сопровождающее использование *нет-нет*, пропадает.

Меньшая грубость одиночного *нет* по сравнению с предшествующими случаями объясняется наличием обязательного продолжения реплики с *нет*, мотивирующим решение говорящего (*из-под крана, похолоднее; тебе будет холодно*).

Еще одна типичная группа употреблений *нет-нет* связана с **отрицанием неявных компонентов семантики** высказывания — пресуппозиций, установок, семантических следствий и т. п. Выше уже отмечалось, что в этом и состоит важнейшая особенность семантики дублетной формы *нет-нет*: она всегда отсылает к имплицитным слоям плана содержания предшествующей реплики или текста в целом. Известно, что имплицитные слои семантики речевых форм почти не подвержены действию отрицания. Тем не менее, форма *нет-нет* часто используется для **отрицания пресуппозиции**, ср. (42).

(42) — Сгодится... — добродушно помаргивая, сказал хозяин. — Дети строиться будут, внуки — всё в дело пойдет. — Откуда напёр? — *Нет-нет...* Ни грамма не воровал, — упреждая упреки, откестился Моргун [Б. Екимов. Пиночет].

Реплика *Нет-нет* в приведенном примере относится не к вопросу «где украдено что-то, о чем идет речь», а к пресуппозиции о краже (*напёр*), то есть, что кража вообще имела место. Дублетная форма позволяет ввести в сферу действия отрицания пресуппозицию вопроса. Одинокое *нет* в таком контексте явно некорректно — в том числе из-за невозможности использования частицы *нет* в ответе на частный вопрос: — *Откуда напёр?* — ^{??}*Нет. Ни грамма не воровал*. Особенно показательно, что дублетная форма в ответе на частный вопрос оказывается вполне естественной. Причина именно в том, отрицается не пропозиция вопроса, а его пресуппозиция.

К имплицитным слоям семантики относятся и семантические следствия, которые также могут попадать в сферу отрицания при использовании формы *нет-нет* (43).

- (43) Иришка. (Глядя со страхом) Не верь ему! Он бабник! Ка па. (Нервничая) *Нет, нет!* Он любит меня! [С. Беллас. Пьесы].

В приведенном примере реплика *Нет, нет (Нет-нет)* относится не к утверждению *Он бабник*, а к семантическому следствию из фразы *Не верь ему! Он бабник!* ‘Он тебя не любит’, на что указывает продолжение последней реплики *Он любит меня!* Если предположить, что форму *Нет, нет* в данном примере надо понимать как последовательность двух одиночных *нет*, то в этом случае одиночные частицы *нет* относились бы к утверждению *Он бабник*, то есть выражали бы несогласие говорящего с высказанным обвинением. Хотя такая интерпретация и возможна, она менее вероятна из-за реплики *Он любит меня!*

Рассмотрев основные контексты употребления дублетной формы *нет-нет*, следует обратить внимание на то, что она в одних случаях заменяется на *нет* (хоть и с некоторыми семантическими модификациями), а в других случаях не заменяется. Иными словами, одни употребления оказываются идиоматичными, а другие — нет. В идиоматичных употреблениях частица *нет-нет* без продолжения нетипична.

Заключение

Исследованный материал дублетных форм оказывается чрезвычайно разнообразным с точки зрения идиоматичности. Некоторые дублетные формы идиоматичны в столь высокой степени, что с очевидностью должны рассматриваться как отдельные словарные единицы — слова или идиомы. К ним относятся, например, формы *ку-ку*, *тю-тю*, *ну-ну* (в контекстах выражения скепсиса).

В то же время другие дублетные формы демонстрируют меньшую степень идиоматичности, что проявляется в возможности мотивации семантики (в том числе иконического характера) одиночными формами или другими значениями дублетных форм. В этом случае способ описания, вообще говоря, может быть различным. В данной статье выбран словарный вариант, который предполагает описание особенностей употребления семантически мотивированных дублетных форм в словарном формате, при котором выделяются словарные значения и их модификации — отдельные типы употребления («варианты» значения). Однако существует и альтернативный способ описания, ориентированный на то, что можно было бы назвать грамматикой дискурса. При таком подходе варианты значений — и даже отдельные значения — порождаются в реальном употреблении носителями языка в зависимости от условий общения и контекста в широком понимании. Так, употребление дублетной формы *нет-нет* определялось бы альтернативным одиночным вариантом — частицей *нет*. Обнаружив в дискурсе дублетную форму, адресат рассматривает это как сигнал, указывающий на иной способ понимания реплики с *нет-нет* по сравнению с одиночной формой. Следовательно, стандартное правило понимания ответной реплики с частицей *нет* должно быть изменено. В рассматриваемом случае семантическая сфера действия *нет-нет* должна быть распространена на другие аспекты значения предшествующей реплики или более широкого контекста.

Устройство таких правил не вполне понятно, однако широко использование в категориальном аппарате современной лингвистической семантики имплицатур дискурса и семантических следствий различных типов (в том числе следствий из метафор) указывает на общую тенденцию к выявлению закономерностей грамматики дискурса. Действительно, даже названия многих выделенных выше контекстов употребления дублетной формы *нет-нет* прямо привязаны к дискурсу: метатекстовая функция, отказ от предложения, несогласие с невербальным действием и пр. Кроме того, представляется, что реально носитель языка в разговоре не пользуется сложным инвентарем значений и их оттенков, а выводит значения речевых форм по универсальным правилам функционирования дискурса.

Отметим, однако, что реализация перспектив грамматики дискурса — процедурного знания — вряд ли возможна без предварительного описания речевых форм в декларативном виде (в формате классификации), характерном для словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresjan Yu. D. *Izbrannnye trudy. T. 1: Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected works. Vol. 1: Lexical semantics (synonymic means of language)]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995.]
- АСРФ — Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. *Академический словарь русской фразеологии*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015. [Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skij D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Academic dictionary of Russian phraseology]. 2nd edn. Moscow: Leksrus, 2015.]
- Ахманова 1966 — Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966.]
- Баранов 1986 — Баранов А. Н. 'Предположение' vs. 'факт': *неужели vs. разве*. [Baranov A. N. 'Assumption' vs. 'fact': *Neuzheli vs. razve*.] *Zeitschrift für Slavistik*, 1986, 1: 119–131.
- Баранов, Добровольский 2008 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of phraseological theory]. Moscow: Znak, 2008.]
- Баранов, Добровольский 2013 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Основы фразеологии (краткий курс)*. М.: Флинта, Наука, 2013. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [Fundamentals of phraseology: A brief course]. Moscow: Flinta, Nauka, 2013.]
- Баранов, Кобозева 1983 — Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке. *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 1983, 3: 263–274. [Baranov A. N., Kobozeva I. M. Semantics of general questions in Russian. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1983, 3: 263–274.]
- Баранов, Кобозева 1988 — Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос. *Прагматика и проблемы интенциональности*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: ИВ АН СССР, 1988, 45–69. [Baranov A. N., Kobozeva I. M. Modal particles in responses to questions. *Pragmatika i problemy intensional'nosti*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Institute for Oriental Studies, 1988, 45–69.]
- Богуславский 1996 — Богуславский И. М. *Сфера действия лексических единиц*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Boguslavsky I. M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [The scope of lexical items]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Добровольский, Левонтина 2017 — Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Дискурсивные частицы и способы их перевода: *ну* в романе Владимира Сорокина «Очередь». *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2017»*. Вып. 16(23). Т. 2. М.: РГГУ, 2017, 97–106. [Dobrovol'skij D. O., Levontina I. B. Discursive particles and means of their translation: *nu* in Vladimir Sorokin's novel *The Queue*. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2017»*. Issue 16(23). Vol. 2. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2017, 97–106.]
- Крючкова 2000 — Крючкова О. Ю. *Редупликация как явление русского словообразования: Историческое развитие и типологическая специфика*. Автореф. докт. дисс. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2000. [Kryuchkova O. Yu. *Reduplikatsiya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya: Istoricheskoe razvitie i tipologicheskaya spetsifika* [Reduplication as a phenomenon of Russian word-formation: Historical development and typological specifics]. Doctoral diss. abstract. Saratov: Chernyshevsky Saratov State Univ., 2000.]
- ЛЭС — Ярцева В. Н. (гл. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

- Широкова 1982 — Широкова Е. Г. Частица «-таки»: семантика и условия употребления. *Семиотика и информатика*, 1982, 19: 137–147. [Shirokova E. G. The particle *-taki*: Semantics and conditions of usage. *Semiotika i informatika*, 1982, 19: 137–147.]
- Apresjan 2018 — Apresjan V. Russian constructions with syntactic reduplication of colour terms: A corpus study. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22(3): 653–674.
- Dobrovol'skij, Levontina 2012 — Dobrovol'skij D., Levontina I. Russian *NET* vs. German *NEIN* 'no': A semiotic approach. *Russian Linguistics*, 2012, 36(2): 213–219.
- Inkelas 2012 — Inkelas S. Reduplication. *The morphology and phonology of exponence*. Trommer J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 355–378.

Получено / received 03.08.2018

Принято / accepted 19.02.2019